Принцесса Линдагуль

Жил был когда то персидский король, а звали его Шах Надир. Был он сказочно богат и владел многими прекрасными странами. Высокие залы его дворцов были полны золота и драгоценных камней, а корабли его бороздили все моря и океаны. Стоило ему появиться в своей столице, Исфахане, как его тут же окружали телохранители в серебряных доспехах. Пятьдесят же тысяч всадников — на великолепнейших, с золотыми уздечками и седлами, блиставшими драгоценными камнями, конях, — были готовы по малейшему знаку повелителя ринуться вперед, чтобы завоевать весь мир.

Однако же настало время, когда могущественный Шах Надир больше не мечтал о войнах и завоеваниях. Он одержал в жизни немало побед, а теперь был стар и немощен и редко покидал мягкие пурпурные диваны своего пышного дворца. И лишь порой, когда с гор спускалась благодатная прохлада, он садился в разукрашенный золотом паланкин, который несли восемь чернокожих рабов, одетых в шитое серебром платье, и они несли его на смотр войск или на состязания зверей.

У Шах Надира было много жен, как это принято на Востоке, и немало сыновей. Однако же отцу от них было мало радости: неблагодарные, тщеславные, они посягали на его жизнь и корону. Потому-то их и отсылали прочь от двора в дальние провинции, и они правили ими как наместники. А дома с Шах Надиром жила лишь его единственная, дорогая дочь, принцесса Линдагулль, которую он любил больше всего на свете.

Имени такого — Линдагулль — никогда прежде в Персии и не слыхали. Но дело в том, что мать принцессы была родом с далекого Севера. В молодости она попала в плен к африканскому пирату и в конце концов благодаря своей несравненной красоте была продана персидскому шаху. Он возвысил ее, сделав супругой, и любил гораздо больше всех остальных своих жен. Прекрасная шахиня, которая уже умерла, назвала свою единственную дочь Линдагулль, что означало «Златолипа». Этим именем шахиня хотела сказать, что принцесса так чиста и прекрасна, как солнце, чьи золотые лучи играют весной среди листвы чудесных лип Севера.

Принцесса Линдагулль унаследовала царственную осанку отца, а фигуру и черты лица матери-северянки. Сердце ее было благородным и нежным. Ипотому во всем обширном государстве Шах Надира не было никого, кто нелюбил бы ее.

Старый шах хорошо знал все это, и его суровое сердце смягчалось всякий раз, когда он смотрел на свое дитя. Одно ее слово могло смирить его жесточайший гнев, и не было на свете ни одного ее желания, даже когда она просила за какого-нибудь несчастного узника, в котором бы он мог ей отказать. Он так любил свою дочь, что она была ему дороже всех его подданных. Да, он любил ее гораздо больше, чем Аллаха, своего бога. И эта беззаветная любовь, это обожествление дочери навлекли на него гнев Аллаха.

Никому не жилось так прекрасно и в такой роскоши, как принцессе Линдагулль. Окна из горного хрусталя, пропуская солнечные лучи в мраморный дворец, источали сияние. Спала она на мягких шелковых подушках, а когда наступало утро, служанки провожали ее в чудесный бассейн из слоновой кости и перламутра.

Днем она шила шелком и золотом, играла на цитре или гуляла в саду под пальмами, слушала пение птиц или же резвилась, как дитя, среди бабочек и роз.

Принцессе Линдагулль было двенадцать лет. Однако же двенадцать лет на Востоке — это все равно что шестнадцать на Севере.

Не очень-то хорошо жить в роскоши и видеть, что все твои желания исполняются по малейшему мановению руки, — многих начинают одолевать при этом заносчивость и прихоти. Однако же принцесса Линдагулль была не из таких. Время шло, и мало-помалу она стала скучать. Она не знала, как это получилось, но полет бабочек, аромат цветов и звуки цитры больше не веселили ее, и она с удивлением замечала, что частенько ей хочется плакать. Отчего это происходило, ни она, ни ее служанки понять не могли.

Наконец ей показалось, что она догадывается, почему ей все уже не в радость. Ведь она чувствовала себя пленницей в своем дворце. Как ей хотелось хотя бы раз порадоваться людской толчее в большом городе Исфахане. И потому-то однажды, когда отец снова навестил ее, она попросила его дозволить ей увидеть великое сражение зверей, которое должно было состояться в день рождения шаха. А так как Шах Надир ни в чем не мог отказать дочери, он согласился исполнить ее желание, хотя принцесса впервые заметила, что делает он это крайне неохотно.

Шах Надир был могущественным повелителем, грозой половины Азии, а у таких властителей всегда много врагов. Среди них был и Бум-Бали, король великанов

из Турана, дикой страны гор и пустынь к северу от Персии.

Однажды во время своих разбойничьих набегов на дальнем Севере Бум-Бали захватил в плен лапландского колдуна по имени Хирму. Тот мог превращаться в любого зверя, а потом снова обретать свою прежнюю личину.

И вот когда Бум-Бали узнал, что в Исфахане будет великое сражение зверей, он призвал к себе Хирму.

— Презренный пес, ты хочешь жить? — спросил он.

— Господин, — ответил Хирму, — да не умалится никогда твоя тень. Тебе ведомо, что верный твой пес хочет жить!

— В первый день месяца Мохаррем, — сказал Бум-Бали, — будет великое сражение зверей в Исфахане. Прими обличье тигра и укради для меня принцессу Линдагулль, гордость шаха и всей Персии.

— Твой верный пес исполнит повеление своего господина, — поклонился лапландский колдун.

Персидский охотник на зверей прибыл в Туран, поймал всех хищных зверей, каких только мог, и отвез их в клетках в Исфахан.

Настал первый день месяца Мохаррем, и все приготовления к празднику в столице Персии подошли к концу. Самых свирепых зверей из Индии, Аравии, Турана и даже из пустыни Сахары держали наготове в боковых помещениях рядом с большой круглой ареной, вокруг которой более шести тысяч зрителей заняли свои места на галереях. Ради их безопасности между галереями и местом сражения возвели громадную железную решетку.

С раннего утра в городе царило праздничное оживление. Принцесса Линдагулль радовалась, словно дитя, тому, что вылетит, как птичка из клетки, и тому, что увидит такое представление и диких зверей всего мира в роли актеров.

Зрители уже все были в сборе, когда прибыл шах в сопровождении блистательной свиты телохранителей и дочери, прекрасной принцессы Линдагулль. Она ехала верхом, под чадрой, как принято на Востоке, в сопровождении своих служанок, на прелестнейшей маленькой зебре, преисполненной гордости, что несет на себе такую ношу. И хотя люди не могли видеть лица принцессы, молва донесла до них, как она прекрасна и добра. Все знали, что своими мольбами она не раз спасала жизнь несчастных узников и что каждый день посылала она своих служанок с целебными снадобьями и хлебом к беднякам Исфахана. И когда теперь она впервые показалась народу, ее

встретил ликующий хор тысяч голосов.

Быть может, принцесса и покраснела от смущения, но никто этого не видел. Лишь только она села рядом с отцом на вышитые пурпурные подушки, лежавшие на драгоценном ковре королевского балкона, единоборство зверей началось.

Одни звери сменялись другими, и вот на арену вывели большого индийского слона; на спине у него была небольшая башенка с четырьмя стрелками из луков.

Противником слона был королевский тигр, необычайно огромный и красивый, названный в честь князя Тьмы Ариманом. Чтобы раздразнить его, стрелки посылали из лука стрелу за стрелой. Тигр сидел весь съежившись, сверкая глазами и махая хвостом. Казалось, он принял решение не вступать в единоборство. Но вот стрела задела его морду. Послышался страшный рев. Некоторое время Ариман хлестал песок хвостом, потом одним гигантским прыжком кинулся на хобот слона. Тот в свою очередь взвыл от боли и, обмотав хоботом тигра, поднял его и с такой силой швырнул оземь, что, казалось, сокрушил его насмерть. Однако же это было не так. Через минуту Ариман поднялся, взлетел на спину слону и глубоко вонзил зубы в его шею. Придя в неистовство от боли, слон пытался избавиться от врага, но напрасно. Силы его убывали, он медленно опустился на землю, башня была уничтожена, а стрелки из луков бежали.

После того, как Ариман немного отдохнул, на арену вывели огромного льва, названного в честь князя Света Ормудц. Зверям хотели бросить живого ягненка, но это было слишком для принцессы Линдагулль, которая уже вдоволь насмотрелась на кровавое зрелище. Она махнула рукой: дрожащий маленький ягненок был спасен, а вместо него хищникам кинули дохлую собаку. Голодный лев тотчас ринулся на добычу. Тигр был сыт, потому что напился слоновьей крови, но, завистливый по природе, он также бросился вперед. Со страшной силой схватились между собой Ормудц и Ариман, князь Света и князь Тьмы. Вся окрестность повторяла эхом их мерзкое рычание, песок вихрился, терзаемый их лапами, и окрашивался их кровью. Долгое время исход битвы был неясен, но наконец лев подмял под себя тигра и разорвал его грудь. Ариман был мертв. Ормудца с триумфом повели с арены.

Представление было окончено, и многие зрители спустились с галерей, чтобы осмотреть мертвых хищников. Принцессой Линдагулль также овладело любопытство: ведь до этого ей доводилось видеть лишь цветы и певчих птиц.

В сопровождении служанок и стражи она, как и все, спустилась вниз, и рабы расстелили у ее ног шитые золотом ковры, чтобы она не испачкала свои

туфельки об окровавленный песок.

Чего ей было бояться? Всех хищников, которые еще оставались в живых, заперли в надежные клетки, а самый свирепый из них, огромный тигр Ариман, лежал мертвым на песке. Принцесса подошла к Ариману и, восхищенная красотой тигра, решила попросить отца отдать ей во дворец его великолепную шкуру.

Внезапно тигр поднялся на задние лапы, прыгнул на принцессу и, схватив ее своими страшными зубами, помчался прочь.

Крик ужаса вырвался из груди тысяч зрителей, но ни у кого не хватило смелости ринуться следом за тигром и вырвать из его страшной пасти добычу. Только молодой, доблестный принц Абдерраман попытался преградить дорогу хищнику. Принц схватился за его окровавленную грудь и стал биться с ним за принцессу. Несчастный принц: тигр откусил его правую руку и, перепрыгнув через барьер, исчез с принцессой Линдагулль в зубах. Принц же, истекая кровью, лежал на песке, пока не подоспела помощь.

Велико было горе старого Шаха Надира, велико было горе Исфахана, да и всей Персии. Пять тысяч всадников на конях с золотыми уздечками тотчас поспешили на поиски принцессы. Они обыскали каждое ущелье в Туране, где поймали свирепого тигра, но все напрасно. А когда прочесали не только Туран, но и половину Азии, вся рать вынуждена была вернуться в Исфахан с печальной вестью о том, что никаких следов принцессы но найдено.

Шах Надир рвал на себе седые волосы и проклинал тот день, когда появился на свет, день своего рождения, который стоил ему всего самого дорогого на свете. Он повелел народу одеться в траур, а во всех мечетях служить молебны о том, чтобы, наконец, нашлась принцесса Линдагулль. А тому, кто вернет его дочь, пообещал отдать ее в жены, да еще в придачу всю Персию.

Надежда на столь высокую награду прельстила многих князей, и они тут же отправились на поиски исчезнувшей дочери шаха. Но рано или поздно, так и не найдя ее, все вернулись назад — все, кроме одного. И этот один был принц Абдерраман. Он дал священную клятву искать принцессу целых пятнадцать лет — найти ее или умереть.

Если бы принцессу похитил настоящий тигр Ариман, наша сказка на этом бы и кончилась. Ведь для королевского тигра нет на свете ничего святого, даже если это самая прелестная на свете принцесса. Но на сей раз все было иначе. Колдун Хирму в обличье тигра решил обратить единоборство зверей и повеление великана Бум-Бали в свою пользу. Такое сокровище, такую прекрасную

принцессу он хотел сохранить для самого себя. И вместо того чтобы подарить пленницу Бум-Бали в Туране, он быстрыми прыжками помчался с ней к себе домой, в далекую Лапландию.

В Лапландии стоял мглистый осенний день. В одном из чумов старая лапландка Пимпедора стоя варила кашу в котелке над очагом, а ее сын Пимпепантури, в ожидании еды, сидел без дела, уставившись на свои оленьей кожи пьексы. Пимпепантури был мальчик добросердечный и скромный, только чуточку недалекий и совсем не чуточку ленивый. Хирму очень хотел сделать из него колдуна, но из этого так ничего и не вышло. Пимпепантури больше любил есть и спать, нежели учиться чему-нибудь полезному…

— Пимпепантури, ты ничего не слышишь? — повернулась вдруг старая лапландка к сыну.

— Я слышал, как трещит огонь, а каша кипит и булькает в котле, — зевнув, ответил Пимпепантури.

— А разве ты не слышишь, как кто-то рычит вдалеке?

— Возможно, — согласился Пимпепантури. — Наверно, это волк, который тащит одного из наших оленей.

— Нет, — возразила старая лапландка. — Это возвращается домой отец. Ведь его не было целых четыре зимы, и теперь я слышу, как он рычит, будто дикий зверь. Должно быть, он очень торопится домой.

И в этот же миг появился в обличье тигра колдун Хирму с принцессой Линдагулль в зубах. Он положил ее на покрытый мхом пол чума и, приняв свой прежний облик, воскликнул:

— Жена, нет ли чего поесть? Я прибежал издалека.

Старая лапландка от испуга чуть не свалилась в котел, а придя в себя, пообещала ему вкусную еду, если он расскажет, где был все эти четыре зимы и что это за красавица кукла, которую он притащил с собой.

— Долго рассказывать, — отрезал колдун, — позаботься о нашей красавице кукле и дай ей теплого оленьего молока, чтобы она ожила и пришла в себя. Она знатная фрекен из Персии, она принесет нам счастье.

Но принцесса Линдагулль вовсе не умерла. Она не была даже ранена. Но она потеряла сознание от страха.

Очнувшись, принцесса увидела, что лежит в своем наряде из серебристой ткани

на оленьей шкуре, разостланной на покрытой мхом земле в лапландском чуме. Выло темно и холодно; отсветы огня падали на тесные стены и старушку, поившую ее оленьим молоком. Принцесса подумала, что попала в подземные чертоги мертвых, и заплакала оттого, что она, такая молодая, отлучена от солнца Персии и роз благодатных садов Исфахана.

Колдун меж тем строил прожекты, как овладеть сокровищами Персии.

— Не плачь, прекрасная принцесса, — сказал он. — Ты не умерла, тебя просто похитил свирепый тигр, а мой доблестный сын, рыцарь Морус Пандорус, спас тебя. Мы станем твоими рабами и будем служить тебе с величайшим усердием до тех пор, пока не сможем увезти тебя обратно в Персию.

— Что это ты врешь, старик, — сказала колдуну на своем языке честная лапландка.

— Моя жена говорит, — продолжал Хирму, — что если ты захочешь взять нашего сына, доблестного и прекрасного рыцаря Моруса Пандоруса, в супруги, мы тотчас же отвезем тебя обратно в Персию.

Пимпепантури не понимал по-персидски. Он страшно удивился, когда отец толкнул его к принцессе и пригнул его неуклюжую спину так, что это должно было изображать поклон.

Линдагулль не была бы принцессой и дочерью гордого Шах Надира, не оскорбись она подобной дерзостью. Она посмотрела на колдуна и его неотесанного сына такими глазами — нет, надо было видеть этот взгляд — ведь в Персии умеют сверкать глазами! — что оба они, и отец и сын, задрожали от страха.

— Нет, это не годится, — сказал колдун. — Сперва надо ее укротить.

И он запер принцессу в маленьком чулане, пообещав ей, если одумается, половинку оленьего сыра и ковшик воды из талого снега. Целый день принцесса провела в кромешной тьме, пронизываемой лишь полоской северного сияния, проникавшего в щелку чума.

Линдагулль плакала. Да, она плакала так, как можно плакать только, если тебе двенадцать лет и ты была персидской принцессой, жила в розовых садах и мраморном дворце, а потом вдруг одна-одинешенька, голодная и замерзшая, очутилась в зимней Лапландии. Под конец принцесса заснула. И тогда рядом с ней оказался добрый Нукку Матти, властелин прекрасных снов. Тот, кого шведы называют Йон Блунд, а датчане и норвежцы Оле Лукойе, что означает Оле-Закрой Глазки. Уж не знаю, как называют его в Персии… Нукку Матти взял

принцессу в свои объятия и перенес на Фьедерхольм, Острова-Пушинки, где веселые сны порхали вокруг принцессы. Так проходили недели и месяцы, ночь за ночью в царстве снов. Линдагулль стала терпелива и больше не плакала. Сны предсказали ей:

— Жди, скоро явится твой избавитель.

Но кто освободит ее? Кто найдет дорогу туда, где далеко вокруг, в снегах, нет никакой дороги? Правда, старая лапландка подумывала о том, чтобы освободить Линдагулль, но не смела сделать это из-за своего страха. Пимпепантури тоже подумывал было освободить ее, но для этого он был слишком ленив.

Так прошла зима, вовсю засветило солнце, растопившее снег, кое-где заплясали комары. И тогда колдун подумал: «Теперь она укрощена!» Он пошел к принцессе и сказал, что если она хочет обратно в Персию, ей нужно только взять его сына в супруги и тотчас оленья упряжка умчит ее на юг.

Линдагулль подумала о юном принце Абдеррамане, который некогда пролил за нее кровь на песке Исфахана. Прикрыв лицо чадрой, она не ответила ни слова.

Ну и разгневался же колдун! Он запер Линдагулль в глубокой пещере в горах, а потом и говорит ей:

— Морошка нынче уже созрела. Теперь тебе придется считать каждый день, если ты не пожелаешь мне ответить. Сегодня ты получишь тридцать ягод на еду и тридцать капель росы для питья. С каждым днем ты будешь получать на одну ягоду морошки и на одну каплю росы меньше. А как минет тридцать дней, я спрошу тебя, что ты надумала.

Да, Линдагулль и в самом деле провела тридцать дней в заточении. В пустынной Лапландии было уже и ночью светло как днем, только в пещере — вечная тьма. Ягод морошки и капель росы с каждым днем становилось все меньше и меньше, но щечки Линдагулль не поблекли, и она по-прежнему оставалась спокойна и. терпелива. Ведь все, в чем она терпела нужду днем, Нукку Матти и чудесные сны возмещали ей по ночам. Линдагулль думала о принце Абдеррамане, пела восточные песни и радовалась, когда эхо повторяло их на горных склонах.

На тридцатый день к ней явился колдун с последней ягодой морошки и последней каплей росы, завернутыми в листочек лапландской карликовой березки, и спросил:

— Ну, ты надумала?

Линдагулль снова прикрыла лицо и не ответила ни слова.

— Даю тебе еще один день сроку на раздумье, — сказал колдун, — а сейчас к тебе жалует многочисленное общество.

С этими словами он отворил пещеру, и словно живое облако ринулось в дверь. Это была целая туча голодных лапландских комаров, тысячи тысяч комаров. Они все летели и летели, пока не заполнили всю пещеру.

— Желаю тебе много радости с твоими новыми знакомыми, — пожелал ей злой колдун и запер дверь.

Линдагулль не поняла, что он имеет в виду. Она не знала ни лапландских комаров, ни персидских тропических жуков. В прежние времена служанка целый день стояла рядом с ней, отгоняя воздушных чудовищ. И сны пощадили ее, так и не дав понять, что такое человеческая злоба. Они тотчас окутали ее плотной пеленой тончайшего тканья, сквозь которую не могли проникнуть комары. Нещадно кусали они твердый гранит скалы, но сочли его слишком скудным и, подобные серой паутине, расположились наконец лагерем на стенах пещеры.

В полдень тихонько отворилась дверь, и в пещеру вошла старая лапландка Пимпедора с кувшином в руке, а следом за ней Пимпепантури.

— Бедное дитя, — сказала кроткая старушка, — мне жалко тебя, но я не смею выпустить тебя отсюда, потому что мой старик превратит меня тогда в пеструшку. Вот тебе кувшин со смоляным маслом. Смажь свое тело — это лучшее средство от комаров. Тогда они тебя не съедят.

— А это тебе копченый олений окорок, чтобы ты не умерла с голоду, — добавил Пимпепантури. — Я отгрыз от него кусочек, уж очень проголодался по дороге, но на кости есть еще мясо. Я украл ключ от пещеры, пока отец спал, но я не смею выпустить тебя, потому что он превратит меня тогда в миску с простоквашей. И тебе вовсе не надо брать меня в мужья. Бьюсь об заклад, что тебе и настоящего пальта — и то не состряпать.

— Нет, этого я, конечно, не сумею, — ответила принцесса Линдагулль и поблагодарила мать и сына за их доброту. Но тут же растолковала им, что не хочет есть и что комары ее не кусали.

— Ну, возьми все же смоляное масло, на всякий случай, — сказала старая лапландка.

— Да, возьми все же и олений окорок, — попросил Пимпепантури.

— Тысяча спасибо, — поблагодарила Линдагулль.

Тут дверь за ними закрылась. Ночь миновала, а утром пришел колдун, ожидавший найти свою пленницу такой покорной, какой только можно быть, когда тебя до полусмерти заели комары. Но когда он увидел, что Линдагулль такая же цветущая, как и прежде, и что она снова прикрывает свое лицо, гневу его не было предела.

— Выходи, — приказал он.

Линдагулль вышла на свет ясного дня, нежная и легкая, как эльф.

— Теперь слушай, что я надумал, — продолжал колдун. — Ты станешь цветком вереска на Лапландской вересковой пустоши и проживешь столько, сколько живет вереск. Погляди на солнце, оно стоит низко над окоемом. Через две недели и один день наступят первые полярные холода, когда все цветы вереска умирают! И накануне этого дня я в последний раз спрошу, что ты надумала.

Тут он замолчал, словно уже ждал желанного ответа. Но когда Линдагулль снова молча прикрыла свое лицо, он голосом, дрожащим от гнева, воскликнул:

— Adama donai marrabataesan! На языке природы это означает:

— Человеческая жизнь, прими обличье цветка вереска!

Колдун научился этому заклинанию однажды осенним вечером, когда южный ветер из африканских пустынь улегся на отдых в горах Лапландии. Ветер знает все слова, поскольку все слова бросают на ветер.

Только колдун вымолвил эти ужасные слова, как Линдагулль показалось, будто все цветы на пустоши выросли и превратились в деревья и прикрыли ее своей тенью. На самом же деле это она опустилась в землю. Миг, и вот уже никто не мог бы узнать ее среди тысячи тысяч цветов вереска, которые жили и умирали на вересковой пустоши Ланландии.

— Через две недели, в этот самый день! — пробормотал колдун.

Меж тем, пока все это происходило на севере, принц Абдерраман блуждал по свету. Не было такой горы в Азии, такой пустыни в Африке, селения или города в южной и средней Европе, которые бы он ни обыскал — но все напрасно.

Глубоко скорбя, возвращался принц обратно в Персию, а его верный пес Валледивау бежал за ним следом. И вот однажды случилось так, что пес загнал в камыши утку-крякву, поймал ее и принес живой своему господину. Принц хотел убить утку, но она закрякала:

— Подари мне жизнь, а я что-то скажу тебе взамен.

— Я дарю тебе жизнь, диковинная ты птица, — согласился удивленный принц. — Но что ты можешь мне сказать?

— Скачи в Лапландию, — прокрякала утка и тут же исчезла в камышах.

Ланландия? Никогда принцу не доводилось слышать о стране с таким названием. Когда же он спросил, где находится Ланландня, то услыхал в ответ:

— Скачи на север, только на север, и не останавливайся до тех пор, пока не кончится дорога, не кончится лес и тебе не найти будет человеческого жилища с очагом, выложенным из камня.

«Удивительно», — подумал принц, но последовал совету и поехал на север, только на север, и не останавливался, пока не кончилась дорога, не кончился лес и не видно было никакого другого человеческого жилья, кроме чумов кочевников. Стоял последний день августа. Еще светило солнце, но небо переливалось всеми цветами радуги, дул прохладный северный ветер, а как только он уляжется, должен ударить мороз.

Принц скакал уже много дней, не видя и следов человека, когда вдруг у подножья высокой горы заметил чум из звериных шкур. Он подъехал поближе, чтобы еще раз задать свои бесполезные вопросы. И вдруг, к неописуемому своему изумлению, обнаружил надпись на склоне горы и прочитал имя «Линдагулль». Колдун высек это имя над дверью горной пещеры, где была заточена Линдагулль, чтобы найти это место, когда он передвинет свой чум.

Принц вытащил левой рукой саблю и хотел ринуться в чум, но в этот миг на дороге, ведущей к вересковой пустоши, предстал колдун.

— Верни мне принцессу Линдагулль! — воскликнул принц. — А не то я отправлю тебя в царство Аримана.

Колдун был хитер, и лукавство не раз спасало ему жизнь, но после столь неожиданной встречи он растерял всю свою находчивость. И ничего лучше не мог придумать, как превратиться в песца, который быстрыми прыжками кинулся в горы. Он надеялся спастись от сабли принца, но забыл про пса, следовавшего по пятам за своим господином. Валледивау, увидев, что песец

удирает, бросился за ним. Песец проскальзывал через все расселины, легко перепрыгивал через все горные пропасти, но Валледивау оказался еще проворней и настиг песца на самой высокой горной вершине. Пес разорвал его на части, а сердце съел. А лишь только он съел сердце и предстал с перепачканной кровью мордой перед хозяином, принц понял, что колдуну пришел конец. Но где же Линдагулль?

Принц вошел в чум. Пимпедора варила оленье мясо, а Пимпепантури спал на мягкой мшистой подстилке, чтобы сделать хоть что-нибудь полезное до обеда.

— Женщина, — сказал принц, — ваш муж мертв. Отдайте мне Линдагулль, и с вами не случится ничего дурного.

— Мертв? — спросила старуха, не очень-то, видно, опечалившись. — Да, давно пора было положить конец его злобным проделкам. А Линдагулль ищите на вересковой пустоши — мой старик превратил ее в цветок вереска. Да поторопитесь — ночью ударит мороз, и тогда принцессе — конец.

— О, любимая моя, малютка Линдагулль, неужели ты умрешь нынче ночью? — воскликнул принц и, выйдя из чума, кинулся в отчаянии прямо на поросшую вереском землю необозримой пустоши, где тысяча тысяч бледно-розовых цветов, как две капли воды похожих друг на друга, ожидали смерти.

— Подожди, — сказала старая лапландка, — я припоминаю слова, которые превратили Линдагулль в цветок вереска. Мне было жаль это дитя, и я спряталась за камень, поглядеть, что сделает мой старик. И я услыхала, как он говорит:

— Adama donai marrabataesan!..

— Ах, — вздохнул принц, — что пользы от этих слов, если мы не знаем тех, которые снимают заклятие.

Пимпепантури, решив, что долго нет обеда, вышел из чума. Когда же он услыхал сетования принца, то, задумчиво дернув себя за челку, сказал:

— Когда батюшка хотел снять заклятие, он имел обыкновение переставлять слова.

— Да, правда твоя, — подтвердила старая лапландка.

Взобравшись на скалу, принц Абдерраман закричал что есть силы над всей бескрайней вересковой пустошью:

— Marrabataesan donai adama!..

Но слова эти прозвучали впустую, ни один цветок на пустоши не шелохнулся, солнце быстро склонялось к окоёму, а ветер улегся.

Принц боялся, что не сможет правильно выговорить слова на незнакомом ему языке, и все повторял и повторял заклинание, переставляя слова и меняя их окончания. По все напрасно. Только один раз ему показалось, будто вереск на отдаленном бугорке чуть приподнялся, прислушиваясь. По тут же опустился вновь на бескрайнюю однообразную, безутешную пустошь.

— Солнце садится, — предупредила принца старая лапландка. — Если ты сейчас же не найдешь нужные слова, ударит мороз и будет слишком поздно.

Багровый диск солнца катился уже совсем рядом с краем неба. Стояла тишина. Холодный и влажный вечерний туман, предшественник мороза, словно пеленой окутал поля и пригорки. Все, что росло, все, что хоть краткий миг осмелилось цвести в Лапландии, было теперь обречено на смерть.

Принц Абдерраман побледнел от ужаса, голос изменил ему, и он едва слышно смог выговорить слова, которые еще не произносил:

— Marraba donai adama taesan.

И вот на отдаленном бугорке поднялась веточка вереска. Туман уже окутал окрестность, но из тумана выросла стройная фигурка. Принц затаил дыхание. И когда несколькими прыжками он достиг этого бугорка, ему навстречу шагнула Линдагулль, такая бледная, словно ее уже коснулось первое ледяное дыхание смерти. Поистине в последнюю минуту принц нашел нужные слова.

Он подхватил принцессу на руки, понес ее в чум. Заботами старой лапландки к ней мало-помалу вернулись силы. Пимпедора была счастлива, а Пимпепантури забыл от радости свой долгожданный обед, который так и сгорел в котле.

После благодарной молитвы Аллаху принц спросил Линдагулль:

— Что ощущаешь, когда превращаешься в цветок вереска?

— Это все равно что вернуться в раннее детство и не знать ничего иного, кроме как пить, спать и быть счастливой, — ответила принцесса.

— А что ощущаешь, когда снова пробуждаешься к жизни?

— Это все равно что пробудиться ясным утром после глубокого и спокойного сна.

— Завтра возвращаемся в Персию.

— Да, — ответила Линдагулль. — А эта добрая старушка и ее сын, которые пожалели несчастную пленницу? Возьмем их с собой и подарим им дворец в Исфахане.

— Нет уж, спасибо, — возразила Пимпедора. — Мне больше по душе мой чум в Лапландии.

— А есть в Персии снег и олени? — спросил Пимпепантури.

— Снег лежит только на самых высоких вершинах гор, а вместо северных оленей у нас просто олени, антилопы и газели.

— Нет уж, благодарю покорно, — произнес Пимпепантури. — Можешь спокойно ехать и выходить замуж за кого угодно. На всем свете нет страны прекраснее Ланландии.

Что толку было с ними спорить! Назавтра принц с принцессой отправились в путь, одарив старушку и ее сына своими шитыми золотом одеждами и получив в подарок лапландское платье из оленьих шкур.

Старая лапландка спрятала драгоценные персидские одежды в берестяной короб и высчитала, радуясь в душе, что сможет купить за них целый мешок муки.

Меж тем в золотом дворце Исфахана сидел Шах Надир, одинокий и печальный. Он не мог забыть свою исчезнувшую дочь. Его неблагодарные сыновья подняли против него мятеж и продвигались теперь с большой ратью к столице, чтобы свергнуть отца с трона. И вот однажды великий визирь возвестил, что молодой дикарь и молодая дикарка, одетые в оленьи шкуры, в сопровождении собаки, хотят броситься к ногам шаха. Шах Надир никогда не отказывал в приеме чужестранцам: может, они что-нибудь знают про его дорогое дитя. К нему ввели обоих дикарей. Дикарь бросился к ногам шаха, а дикарка, без всяких церемоний, обвила руками его шею. И Шах Надир понял, что под лапландскими оленьими шкурами скрывается его столь долгожданное дитя.

— Аллах, Аллах! — воскликнул он. — Теперь я хотел бы умереть!

— Нет, господин мой шах, — возразил ему принц Абдерраман, — теперь ты будешь жить, чтобы радоваться вместе с нами и отвоевывать свое государство.

Когда Шах Надир узнал, как все случилось, он тотчас назначил принца наследником престола, обещал ему свою дочь в жены и послал его во главе

пятидесяти тысяч всадников на конях с золотыми уздечками победить мятежное войско. Прошло совсем немного времени, и принц одержал блестящую победу, взял в плен королевских сыновей и вернулся с триумфом в ликующий Исфахан. Тут-то и отпраздновали с невиданной пышностью свадьбу принца Абдеррамана и принцессы Линдагулль. Только никакого единоборства зверей не было. И жили принц с принцессой вместе долго и счастливо.

Но только один раз в году — тридцать первого августа, в годовщину спасения принцессы Линдагуль — королевская чета одевалась в бедную лапландскую одежду из оленьих шкур. Чтоб и в добрые времена не забывать про злые.

Шах Надиру довелось на старости лет качать на коленях маленьких внуков, а его коварные сыновья кончили свои дни свинопасами у короля великанов Бум-Бали в Туране. О Пимпедоре же и Пимпепантури ничего больше в Персии не слыхали. Может статься, они так никогда и не нашли на всем свете страны прекраснее Лапландии.